

Слово о писателе

□ 95-□□□□□ □□□□□□□□□□
 □□□□□□□□ □□□□□□□□□□
 □. □. □□□□□□□□□□

В. К. Абрамов,
 доктор исторических наук, профессор,
 заведующий кафедрой новейшей истории народов России
 ГОУВПО «МГУ им. Н. П. Огарева» (г. Саранск, РФ)

56

Почти каждый образованный человек может написать книгу, выразить в ней свой способ мышления и свое отношение к миру. Многие писатели всю жизнь под разными названиями создают фрагменты одной и той же книги. И только большой писатель может написать много книг, в которых отражается мир многих героев, принадлежащих к разным историческим эпохам, социальным группам, уровням интеллектуального и нравственного развития. Таков Кузьма Григорьевич Абрамов. Вместе с героями его книг читатель встречает Батыево нашествие и сбрасывает ордынское иго, спешит на помощь Степану Разину и строит автомобильный завод, ясно видит цель в величайшей из войн и растерянно мечется в поисках ответов на вопросы нашего времени. Вместе с художником он смотрит на дворцы Рима и Парижа, с крестьянином вдыхает запах теплой присурской поймы, с солдатом Великой Отечественной слушает грохот рвущихся снарядов в замерзших полях под Москвой и с бывшим узником концлагеря пьет родниковую воду под сенью мордовского леса.

Главный герой абрамовских книг – всегда уроженец мордовской земли, впитавший в себя ее соки, возросший

на ее плодах, получивший от ее природы, истории и культуры те особые качества, которые составляют неповторимый национальный характер. Понимание этих качеств дается не только природным умом, облагороженным образованием, не только наследственным сенсориумом, отточенным богатыми событиями жизнью, но и способностью накапливать и использовать опыт прошлых поколений.

Своей фамилией род Абрамовых обязан пращуру Обрану Надежину, переселившемуся в конце XVIII в. из присурского, тогда мокшанского, села Кочелай в эрзянское село Найман. Пять поколений подряд потомки Обрана женились на эрзянках. Мать писателя, Анастасия Максимовна, в девичестве Лугаськова, была родом из соседнего села Русские Найманы.

Дед К. Г. Абрамова, Степан Константинович, самостоятельно выучился грамоте. В молодости работал на сибирских Нерчинских шахтах, строил Транссибирскую магистраль в Забайкалье между станциями Хилок и Могзон, потом крестьянствовал.

Отец, Григорий Степанович, учился в земской школе, трудился плотником, возводил Владивостокский и Мурманский порты. На Румынском фронте Пер-

вой мировой войны стал большевиком, затем был председателем Пичеурского и Большеберезниковского волисполкомов Симбирской губернии; с конца двадцатых годов работал учителем в различных школах Мордовии.

Кузьма Григорьевич Абрамов родился в с. Найман ныне Большеберезниковского района 30 октября (12 ноября по новому стилю) 1914 г. В 1920 г. семья переехала в расположенный неподалеку поселок Молния, где Григорий Степанович организовал одну из первых в Мордовии коммун. Через несколько лет коммуна распалась, но Абрамовы остались жить в поселке.

Девяти лет от роду будущий писатель поступил в начальную Найманскую школу. По ее окончании хотел продолжить учебу, но в округе тогда не было средних школ. Только в 1932 г. ему удалось окончить семь классов в Ичалковской девятилетке. Летом того же года он поехал на Дальний Восток. Однако туда не добрался и до глубокой осени по вербовке трудился ремонтным рабочим на забайкальской станции Зилово.

В 1933 г. после учебы на подготовительном отделении К. Абрамов стал студентом Мордовского педагогического института, но оставил вуз и поступил в

© Абрамов В. К., 2009

мордовский театр артистом. С 1935 г. работал учителем эрзянского языка в школе с. Косогоры Большеберезниковского района.

Начиная с шестилетнего возраста будущий писатель много читал, сначала бессистемно, затем, по мере взросления, все более отдавая дань русской и мировой классике, книгам по истории, философии, искусству. Чтение и собирание прекрасных книг на всю жизнь стали его пламенной страстью и основой образования. Пробовал писать и сам. Летом 1938 г. в Саранске он познакомился с одним из секретарей Российской писательской организации, мордвинком по национальности, А. Я. Дорогойченко. Алексей Яковлевич с одобрением отнесся к первым литературным опытам молодого собрата по перу, что укрепило К. Абрамова в решении продолжать занятия литературой. Вскоре он поступил на работу в редакцию Мордовского книжного издательства и к 1940 г. опубликовал несколько стихотворений, рассказ и отдельным изданием небольшой сборник стихов. С этим сборником начинающий литератор связывал свои надежды на вступление в Союз писателей, однако их перечеркнула начавшаяся война.

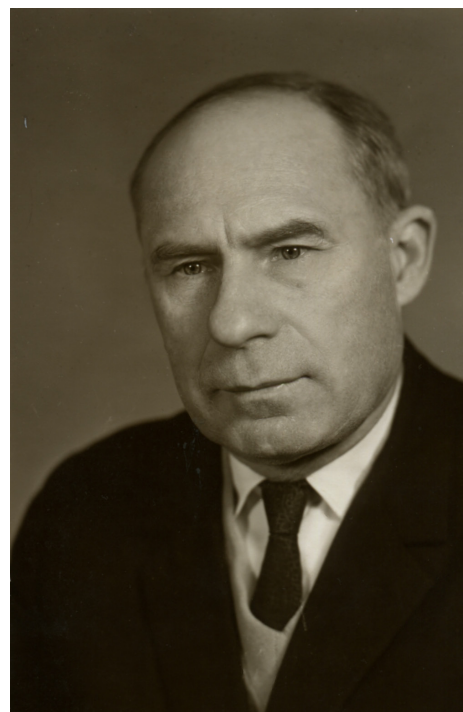
Осенью 1939 г. К. Абрамов был призван в армию и через несколько месяцев службы на польской территории поступил учиться в военно-пехотное училище в г. Славута, переведенное затем в Тамбов. С июля 1941 г. лейтенант Абрамов на Западном фронте Великой Отечественной войны. Командовал минометным взводом, ротой, батареей. Отступление первых месяцев, тяжелое ранение в висок, госпиталь, победа под Москвой, новое наступление, окружение и плен, фашистский концлагерь и освобождение в разрушенном до основания Нюрнберге – таков его военный путь. Затем последовали фильтрационный лагерь в Псковской области, операция по извлечению осколков немецкой мины и медленное возвращение к творческой деятельности в условиях послевоенной сталинской системы. В 1947 году он получил медаль «За победу над Германией», а после смерти Сталина – орден Красной звезды, к которому был представлен в 1941 году. Позднее был награжден и орденом Отечественной войны II степени.

Во второй половине 1940-х гг. Кузьма Григорьевич сменил много занятий, среди которых лишь работа редактором радиокомитета и заведующим литературной частью театра соответствовали его образованию и профессиональной склонности. В начале 1950-х гг. он работал заведующим кабинетом мордовского языка и литературы Мордовского педагогического института и одновременно учился в этом вузе, окончив его экстерном. Среди преподавателей, оставивших наиболее заметный след в его образовании, он называл прежде всего Н. Ф. Цыганова и М. М. Бахтина.

В те же годы К. Г. Абрамов опубликовал повесть «Раштыця вий» (1950), пьесу «Од вий» (1951) и повесть «Выпускница» (1952). Это были еще слабые, своего рода учебные произведения, в которых преодолевалось десятилетнее молчание писателя. Более удачным оказался сборник рассказов, выпущенный Мордовским книжным издательством в 1959 г. Некоторые рассказы из него составили затем сборник, опубликованный в 1961 г. московским издательством «Советская Россия».

Издание книги мордовского писателя в Москве в то время было заметным явлением. И все же своей первой творческой удачей Кузьма Григорьевич считает роман «Найман». Произведение было готово уже к 1948 г., однако мордовская критика тогда не смогла оценить его глубину и масштаб. Оно не умещалось в рамках предъявляемых ему критериев. Лишь в 1956 г. подстрочный перевод романа прочитал известный русский писатель В. Ф. Аветисов. Он дал хорошую рецензию на рукопись, в которой сделал ряд полезных, чисто профессиональных замечаний. Эта рецензия и начавшаяся «оттепель» способствовали изданию «Наймана» в 1957 г. на эрзянском языке, через три года – на русском в Саранске, еще через год – в Москве под названием «Лес шуметь не перестал».

Успех книги превзошел самые смелые прогнозы. Ее быстро оценили и раскупили читатели. Заказы на нее десятикратно превысили тираж. Благожелательно встретила роман и пресса. В Мордовии о нем вышли статьи И. Корсакова¹ и В. Объедкина². Замети-

К. Г. Абрамов (1914 – 2008)

ли его и московские критики. В газете «Литература и жизнь» литературовед Н. Далада писал, что мордовский прозаик Кузьма Абрамов – ярко выраженный социальный писатель, что о его героях можно рассказывать долго и подробно, не повторяясь, ибо почти каждый из них своеобразен, что массовые сцены в романе великолепны³ и т. д.

Позднее, еще раз вернувшись к «Найману», мордовская критика оценила его как «первый многоплановый роман в мордовской литературе»⁴.

В последующих переизданиях в редакционных аннотациях к книге неизменно указывалось: «Роман отличается напряженным сюжетом, драматизмом ситуаций, тонкой психологичностью в обрисовке действующих лиц».

Такой успех первого же романа открыл и подвинул автора на развитие его сюжетных линий в книгах «Люди стали близкими» и «Дым над землей», вышедших соответственно в 1961 и 1964 гг. на эрзянском языке в Саранске и в 1962–1966 гг. на русском в Москве. Переводил все три книги Г. М. Максимов. По мнению К. Г. Абрамова, это был его лучший переводчик, наиболее точно передававший мысль и манеру автора.

Историческим фоном второго и третьего романов явились 1930–1950-е гг.,

К. Г. Абрамов с женой Анной Ивановной. 1965 г.

58

включившие грандиозные и трагические общественные процессы: коллективизацию, репрессии, Отечественную войну. Этот широкий временной и пространственный фон сказался на стиле автора, притушил яркость образов. Кроме того, правдивое отражение указанных процессов во многом не соответствовало устоявшимся тогда представлениям о них. Поэтому в Мордовии отклики на книги были противоречивыми⁵.

Публикации в центральной прессе также не отличались однородным тоном, однако в целом в рецензиях трилогии давалась высокая оценка. «Мы, пожалуй, впервые встречаемся со столь объемным, многоплановым и зрелым по писательскому мастерству произведением литературы национальных республик Поволжья», – подчеркивал в самом престижном, пожалуй, в смысле рецензирования журнале «В мире книг» критик Р. Недосекин⁶. «Язык Абрамова поэтичен, образен, богат интонациями... Народные и обрядовые песни, эрзянские пословицы и поговорки, конкретные детали быта, сказания и легенды, рассыпанные по страницам трилогии... воссоздают тот неповторимый колорит, который отличает всякое произведение настоящего искусства», – отмечал в «Литературной газете» Н. Далада⁷. «Трилогия К. Абрамова – произведение несомненно яркое, самобытное,

волнующее», – утверждал в «Литературной России» А. Трошин⁸. По мнению И. Левшина, «именно в работе над этой трилогией, которую К. Абрамов писал более десяти лет, созрело мастерство писателя, умение раскрыть через столкновение достоверных и ярких характеров жизненные конфликты на протяжении большого периода времени и на огромном пространстве страны, умение выстраивать психологически оправданные ситуации и точно мотивировать поступки героев»⁹.

В издательство «Советская Россия» поступали заказы на полумиллионные тиражи абрамовских книг. Центральные газеты печатали фото автора и отклики читателей. Например, Герой Труда из далекой Молдавии В. Казак рассказывал, что книги К. Абрамова оставили заметный след в его жизни¹⁰. С высоких трибун говорили о значительном вкладе Кузьмы Григорьевича в советскую литературу¹¹. Для любого писателя это был бы большой успех, но для мордовской литературы, еще только осваивающей жанр романа, – успех выдающийся.

Казалось бы, найдена благодатная авторская нива – историческая эпопея поволжской деревни XX в. Эта успешно освоенная тема принесла бы К. Г. Абрамову немало лавров, почетный ярлык «деревенщика» и спокойную жизнь. Однако писатель предпринял

смелую попытку преодолеть устоявшееся в советской литературе деление на «деревенские» и «городские», а также «бытовые» и «производственные» романы. Попытка оформилась в роман «Своя ноша не в тягость», опубликованный Мордовским книжным издательством в 1967 г. на эрзянском языке и в 1970–1971 гг. на русском.

В аннотации было сказано, что книга посвящена морально-этическим проблемам, тем не менее некоторые критики объявили ее романом о рабочем классе со всеми вытекающими отсюда последствиями. Автора упрекали в схематичном показе производства, в увлечении семейными подробностями и «патологическими сторонами быта». Все же профессионалы высокого класса без труда рассмотрели замысел писателя. Так, известный российский литературовед А. Н. Власенко отмечал в своей рецензии: «В стремлении автора преодолеть “производственность”, решить проблемы воспитания в труде в органической связи с нравственно-этическими вопросами нельзя не видеть основного достоинства книги Кузьмы Абрамова»; «Его общее положительное решение темы взаимодействия города и деревни может служить примером для всей нашей многонациональной литературы»¹². Что же касается читабельности «Ноши...», то тираж в 65 тыс. экземпляров – огромный для маленькой Мордовии – был раскуплен буквально в несколько недель.

Правда, у книги было малоудачное окончание. В нем К. Абрамов шаблонно вышел из сложной сюжетной ситуации, призвав на помощь своего рода Deus ex machina – партийные и комсомольские органы. «В заключительной части романа перестаешь узнавать автора, – продолжает А. Н. Власенко, – ибо этот интересный художник, обычно умело раскрывающий логику развития характера, вдруг начинает писать отчет, газетную информацию... Желание писателя сразу развязать все узлы и достигнуть скорее счастливого финиша приводит его к скороговорке, к перечислению фактов»¹³.

«Прав Александр Никитич, – признавался Кузьма Григорьевич, – по сюжету не выходило там у меня счастливого конца, но без него бы книгу не напечатали. Вот и пришлось “потрудиться”

на последнем десятке страниц». Эти слова позволяют читателю взглянуть на некоторые стороны советского литературного процесса. Все писатели действовали в рамках строгой цензуры, которая то ужесточалась, то ослабевала в зависимости от политической ситуации. Но кроме последней, она определялась еще интеллектуальным и культурным уровнем цензоров и начальников всевозможных рангов. В данном смысле провинция вообще и Мордовия в особенности являлись обычно местом менее благоприятным для творчества, чем столица.

Образцом критики может служить выдержка из очередной докладной записки «специалиста от литературы», направленной в Мордовский областной комитет ВКП(б) в ноябре 1940 г.: «...также извращенно о любви советской молодежи пишет Абрамов в стихотворении "Белый колодец". Он показывает двух молодых людей, влюбленных друг к другу (так в тексте. – В. А.). Но непонятно: почему они пришли к колодцу и произносят здесь тирады о любви – или родители препятствуют или же по каким-либо другим мотивам. Автор не показал их любовь, нам неизвестно, в чем она проявляется и выражается, мы слышим лишь слова (далее следует цитата из стихотворения. – В. А.).

Зачем надо было автору оторвать героев из жизни, от общества и посадить их около белого колодца? Для того лишь, чтобы они говорили об отвлеченной любви? Таких парней и девушек, каких описывает Абрамов, в действительности нет... Их любовь куда сильнее и глубже. Любовь наших молодых людей неразрывно связана с социалистическим строительством. Социалистический труд в людях воспитывает новые взаимоотношения между людьми, новые понятия о морали, любви. Любовь молодых людей нашей страны сочетается с любовью к своей работе, к заводу, городу, где он живет и работает, к своей любимой отчизне»¹⁴.

Встречались и другие явления, мало зависимые от политической температуры. Например, редкая книга К. Г. Абрамова в центральных, да и в местном издательствах выходила без «сопровождения». Обычными были

К. Г. Абрамов с коллегами из Кении и Уганды. 1970-е гг.

клеветнические анонимки, присылались и письма с подписями, были даже ходоки. К счастью, их интеллектуальный и нравственный уровень был настолько очевиден, что они скорее способствовали, чем мешали выходу книг. После же публикаций в местной прессе иногда появлялись ругательные статьи, не имеющие с критикой ничего общего. Так, после выхода романа «Велень тейтерь» на эрзянском языке (1981), посвященного прежде всего взаимоотношениям девушки и юноши из различных социальных и культурных сфер, семейно-бытовым проблемам в современных (тогда) условиях, на русском языке появилась статья, где писателю ставилось в упрек, что он не развивает производственную тему, «оберегает поведение героев от оценки коллектива». «В семейно-бытовые отношения нет доступа посторонним, не нашлось в романе места для показа воспитательной роли коммунистов, партийных, комсомольских и других общественных организаций». «Даже главная героиня романа не всегда убедительна в своих поступках», «кого ни возьми в романе – человек с изъянами» и т. п.¹⁵ В заключение делался вывод, что роман – политическая ошибка автора. В наше время подобная «критика» воспринимается в лучшем случае как анекдот, в худшем – как бред, однако она сопровождала

творческую деятельность К. Г. Абрамова почти столетия.

Писатель удостоился внимания и кочетовского журнала «Октябрь», про который современники говорили, что без уничижительной, чаще всего политизированной критики он не пропускал ни одного значительного произведения. Правда, в соответствующей статье удар наносился по всей самобытной литературе автономий России, но главным объектом была выбрана трилогия Кузьмы Григорьевича. Завершая рецензию, ее автор писал: «Выбор трилогии К. Абрамова из всего потока произведений, созданных за последние годы в братских автономных республиках Российской Федерации, отнюдь не случаен: трилогия эта при всех ее "неровностях" написана, бесспорно, талантливым рукой»¹⁶. В наше время такая хула воспринимается лучше любой похвалы, но в начале 1970-х она сыграла свою негативную роль. «Оттепель» уходила в прошлое, и начавшееся в Москве переиздание трилогии было остановлено на второй, наиболее политизированной, книге.

Говоря об отрицательных моментах того времени, нельзя не остановиться и на положительных факторах. На протяжении XX в. печатное слово было главным источником информации, а художественная литература в нашей стране – вдобавок и основным

средством выражения общественного сознания, в том числе критического. Все это повышало статус литературы и формировало соответствующее отношение общества к писателям. Так что можно сказать, что К. Г. Абрамов создал свои главные произведения в «удачное» для литературного творчества время. Позитивные и негативные условия были одинаковы для всех. Талантливые и работоспособные смогли воспользоваться первыми и противостоять вторым.

Следует также отметить, что в годы советской власти известные писатели нередко пользовались поддержкой государственных и партийных руководителей. Это, с одной стороны, определялось ролью литературы и искусства в жизни общества, а с другой – считалось хорошим тоном – показателем интеллектуального уровня самих этих руководителей. Как правило, пользуясь подобным покровительством, деятели культуры и искусства могли, в свою очередь, оказывать помощь менее известным коллегам и другим людям в решении бытовых и других проблем.

И конечно, такая поддержка имела решающее значение при официальной оценке их труда. Именно с мест в центральные госорганы шли рекомендации, характеристики, представления к наградам и т. п.

В случае с К. Г. Абрамовым все было наоборот. Его поддерживали прежде всего московские литераторы, критики и издатели, а не местные функционеры. Руководители Мордовии – небольшой республики, занятые главным образом производством сельскохозяйственной и прочей продукции, не являлись крупными деятелями (кроме П. М. Елистратова). Как правило, они рассматривали литературу и искусство лишь в утилитарных, чаще всего развлекательном и пропагандистском, аспектах, а в последнем наиболее благожелательно воспринимали восхваление собственных персон. Информацию получали от обкомовской «фурнитуры» и «своих человечков» в творческих союзах. К. Г. Абрамов же перед начальством никогда не заискивал, имел на все свое мнение, а с конца 1950-х гг. был и материально независим, в результате

отношение руководства Мордовии к нему, даже после его проявления на всероссийском фоне, большей частью было неблагоприятным. В связи с этим интересна история награждения писателя орденом Трудового Красного Знамени в середине 1960-х гг. Тогда, контролируя «политическую лояльность» работников культуры, местное КГБ под руководством заместителя председателя потребовало у творческих союзов Мордовии сведения о подписке на газеты и журналы. Подписка через такие союзы была льготной и, как правило, их члены оформляли ее через свои организации. Выполняя распоряжение, секретарь Мордовского отделения Союза писателей сообщил в КГБ, что К. Г. А. через союз не выписал ни одной единицы прессы. Ни начальнику от КГБ, ни чиновнику от литературы просто не пришло в голову, что газеты и журналы можно выписывать и без льгот. Вскоре на одном из торжественных собраний творческой общественности первый секретарь обкома Г. И. Осипов обрушился с критикой на писателя Абрамова, который

Писатели Мордовии 7 мая 1985 г.

«книг не читает, газет и журналов не выписывает и не следит за повышением своего уровня». Многие из сидевших в зале, зная, что Кузьма Григорьевич собрал одну из самых больших частных библиотек Мордовии, были ошеломлены, одна женщина крикнула: «Это неправда!» Почуввав неладное, Осипов послал на квартиру к подозреваемому обкомовскую делегацию, прикинувшую количество книг и скрупулезно скопировавшую все квитанции на газеты и журналы. Оказалось, что в том году К. Г. Абрамов выписал их больше, чем все члены правления Мордовского отделения Союза писателей вместе взятые, включая секретаря. Осипов через вторых лиц велел передать извинение Абрамову и в качестве такового представил его к награде.

В то время писатель работал над своей второй трилогией – о великом Степане Эрзе. И опять это были первые, на сей раз историко-биографические романы в мордовской литературе. На эрзя-мордовском языке две книги вышли в Саранске в 1971 и 1973 гг., на русском под названием «Сын эрзянский» – в московском издательстве «Современник» соответственно в 1974 и 1976 гг. Третья книга «Степан Эрзя», давшая название всей трилогии, была написана автором сразу на русском языке и увидела свет в Саранске в 1977 и в Москве в 1981 гг. Романы ожидала прекрасная судьба. Они быстро исчезли с прилавков магазинов. Это был тот редкий, счастливый в жизни каждого писателя случай, когда читатель и критик одновременно ставят произведению высокую оценку, а злопыхатели молчат. В Мордовии на книги вышли положительные рецензии с дельными критическими замечаниями А. Г. Борисова, В. М. Макушкина, С. А. Самошкина и других¹⁷.

Столичные критики, несмотря на популярность книг в среде московской интеллигенции, уделили второй трилогии меньше внимания, чем первой. В основном откликнулись те, кто постоянно следил за творчеством писателя. «Фигура Степана Эрзи очень своеобразна, – писал, например, о главном герое трилогии И. В. Левшин, – и отношение к ней далеко не однозначно как у его современников, так и у теоретиков и последователей искусства.

Сведения о биографии скульптора, содержащиеся в воспоминаниях людей, знавших его лично, в записях бесед, нередко противоречивы. И для того, чтобы создать органичный цельный образ художника, Абрамов проделал огромную, по сути дела, исследовательскую работу... Мордовский прозаик написал произведение, к которому применимы критерии, предъявляемые к лучшим произведениям советской литературы. По ним следует судить о его достоинствах и недостатках»¹⁸.

«Несомненным достижением нашей национальной исторической прозы, – поддерживает И. В. Левшина известный литературовед А. Н. Власенко, – является роман-трилогия мордовского писателя Кузьмы Абрамова о знаменитом скульпторе... Роман «Степан Эрзя» написан в лучших традициях нашей исторической прозы, где личность исторического героя никогда не отрывалась от закономерностей жизни в целом и где объектом изображения всегда выступал народ... Невозможно переоценить ту пользу, которую приносят подобные книги, воспитывающие в читателе, особенно в молодом читателе, чувство гордости за национальное искусство, за наши великие реалистические традиции и одновременно чувство отвращения ко всему ложному, наносному, бездарному»¹⁹.

Критики называли романы об Эрзе историческими, однако сам К. Г. Абрамов определял их как биографические. Своим первым историческим романом он считал «Пургаз», выпущенный Мордовским книжным издательством в 1988 г. и переизданный на русском языке в издательстве «Современник» в 1989 г. В нем автор обратился к образу инязора Пургаза – самой выдающейся фигуры средневековой Мордовии. Всего три упоминания о нем в русских летописях составили историческую базу данных, что исключало создание научной биографии. К. Г. Абрамову удалось решить сложнейшую задачу методами искусства, благодаря превосходному знанию истории, языка, быта, нравов, духовного мира своего народа и той писательской интуиции, которой невозможно научиться, ибо она от Бога. Борьбу с экспансией русских князей и половецких ханов, объединение мордовских племен, образование

мордовского государства и его гибель под натиском Батыевых орд вместила эта книга.

По оценке видного филолога русского зарубежья, живущего в Париже и прекрасно знающего эрзя-мордовский язык, В. А. Рудинского, «Пургаз» – «превосходный исторический роман в традициях Вальтера Скотта и Купера», заслуживающий перевода на французский и английский языки²⁰.

В следующем историческом романе, «За волю», опубликованном в Саранске в 1989 г., Кузьма Григорьевич обратился к XVII в., к временам крестьянской войны – еще одному переломному моменту в жизни мордовского народа. В отечественной литературе эту войну традиционно называют Разинской, однако писатель убедительно показал, что настоящая крестьянская война в Поволжье началась после отступления С. Т. Разина на Дон. Главными героями книги явились руководители повстанцев в нашем крае Акай Боляев и Алена Арзамасская.

Роман-сказание «Пургаз» и роман-хроника «За волю», по мнению историка и общественного деятеля И. А. Ефимова, стали важными этапами в становлении мордовской исторической литературы²¹.

1980-е гг. оказались, пожалуй, самыми «урожайными» на публикации К. Г. Абрамова. Наконец-то в Саранске была переиздана первая трилогия, в Москве в издательстве «Советская Россия» вышло третье издание второй. Затем в Мордовском книжном издательстве на эрзянском языке был переиздан «Найман» под названием «Исяк якинй Найманов», вышли, как уже говорилось, два исторических романа. На русском языке в издательстве «Современник» увидели свет сборник рассказов «Там за лесом» и роман «Пургаз», а в издательстве «Советский писатель» – роман «Девушка из села». На этот раз последняя книга получила хорошие отзывы. В Саранске о ней вышла рецензия Р. Кемайкиной²², в центральной прессе – Л. Степановой²³.

Переиздание романов, увидевших свет десятилетия назад, вскрыло еще одну грань таланта писателя. Та «почти что документальная доподлинность» его книг, на которую часто обращали внимание специалисты, с течением

времени делает их не просто литературными произведениями, а зеркальным отражением эпохи, позволяет в точных образах и деталях воспринимать прошлое.

В 1998–1999 гг. к 85-летию народного писателя были опубликованы собрания его сочинений: на эрзянском языке в Интернете под редакцией американского филолога Джека Рютера²⁴ и семитомник на русском²⁵. Собрания сочинений Кузьмы Абрамова стали памятником писателю при жизни, данью любви и уважения почитателей его творчества. В начале 2004 г. Исполком Межрегионального общественного движения мордовского (мокша и эрзя) народа обратился к руководству Мордовии с предложением в связи с предстоящим съездом мордовского народа и 90-летием писателя начать издание десяти томного собрания его сочинений на родном эрзя-мордовском языке. В Исполкоме даже прошла встреча со спонсором, готовым оплатить такое издание. Однако против этого выступили чиновники – люди, специально поставленные способствовать развитию национальной литературы. Они аргументировали свое мнение тем, что на русском языке такое собрание сочинений уже есть. Ограничились изданием трехтомника.

Литературная деятельность К. Г. Абрамова не исчерпывается прозой. Начав с поэзии, он вернулся к ней в

1960-е гг. и написал поэму для детей об одном из эпизодов истории города Сарова. Это произведение также заслужило высокую оценку В. А. Рудинского, подчеркнувшего в рецензии, что «Абрамов пишет исключительно ясным и прозрачным языком»²⁶. Правда, сам Кузьма Григорьевич поэзию не считал сильной стороной своего творчества. Он также стал одним из ведущих мордовских драматургов. Им написано более десяти пьес, из которых, по его словам, четыре оказались «удачными и весьма неплохими». Пьеса «У каждого своя болезнь» выдержала на эрзянском языке более двухсот представлений и до сих пор пользуется вниманием зрителей. Инсценировка романа «Лес шуметь не перестал» на русском языке в постановке В. Ф. Королько и прекрасном музыкальном оформлении Нины Кошелевой была отмечена в центральной театральной прессе²⁷. Высокую оценку специалистов получила новая пьеса «Кавалонь пизэ»²⁸.

Следует особо сказать еще об одной сфере деятельности К. Г. Абрамова – филолога по образованию – о разработке эрзянского литературного языка, в особенности его синтаксиса. Дело в том, что принятый за основу в 1930-е гг. синтаксис эрзянского языка максимально старались приблизить к русскому. По мнению К. Г. Абрамова, это привело к ненужному усложнению структуры слов и предложений эрзян-

ского языка, вошло в противоречие с особенностями мордовского мышления, а следовательно, было чревато нарушением взаимодействия первой и второй сигнальных систем. Писатель в своих книгах придерживается синтаксиса, корни которого уходят в мордовский фольклор, в современную разговорную речь мордовской деревни. По мнению ряда специалистов, в этом заключается одна из главных причин классического языка и стиля писателя, популярности его книг в мордовской среде. О том же свидетельствуют данные социологического исследования, проведенного в 1970-е гг.: в селах и городах книги на мордовском языке читали 64 и 54 % граждан мордовской национальности, в то время как прессу, основанную на русифицированном синтаксисе, – лишь 29 и 12 % соответственно²⁹. В европейских странах нормальным считается обратное соотношение.

Волновала К. Г. Абрамова и проблема ассимиляции родного языка, его отставания в развитии из-за функционирования лишь в бытовой сфере. Он подготовил краткий толковый словарь современного эрзянского языка, в котором предпринял попытку «обэрязнить» основные политические, технические и прочие термины современной цивилизации. Одной из задач работы являлось уяснение темпов неизбежного изменения языка в существующих условиях³⁰.

Уже с конца 1950-х гг. писатель мог жить только на свой литературный заработок, но он не уклонялся и от других видов деятельности. Работал заведующим редакцией и главным редактором Мордовского книжного издательства, был членом правления мордовской писательской организации, редколлегии журналов «Сятко» и «Чилисема», состоял в Советском комитете солидарности стран Азии и Африки, руководил семинаром молодых писателей, избирался в Саранский городской совет, объезжал, пожалуй, всю Мордовию и полстраны, встречаясь со своими читателями³¹. Но главной своей общественной деятельностью он считал литературу.

Говоря об особенностях литературного творчества К. Г. Абрамова, нельзя не обратить внимание на тот факт, что он всегда был литературным

На презентации Эрзянского толкового словаря в Мордовской республиканской библиотеке. Слева направо: ведущая Н. В. Бочканова, К. Г. Абрамов, редактор словаря американский филолог Джек М. Рютер. 12 ноября 2002 г.

одиноким, всегда стоял в стороне от идеологических потрясений и бурных тематических потоков советской литературы. Этому, видимо, способствовал ряд обстоятельств. Он не учился, например, в Литературном институте им. А. М. Горького – главной кузнице советских писательских кадров, а потому не приобрел стереотипов, легко признаваемых большинством критиков и собратьев по перу. Это также лишило его многих личных знакомств в литературной среде, немало значащих для издания книг и создания литературного имени. Устанавливать «нужные» связи он никогда не умел и не стремился.

Однако жизнь «в стороне» в годы не столь отдаленные имела свои преимущества. Она была лишена суеты и гонки за литературной модой, оставляла достаточно времени, чтобы отсутствие контактов со многими современниками-литераторами заменить неторопливым общением с книгами великих писателей, позволяла избежать групповых околелитературных дразг и участия в каких бы то ни было политических подлитературных кампаниях.

Именно эта отрешенность от повседневной суеты, опыт долгой и суровой жизни, индивидуальное осмысление вершин мировой литературы, слившись с талантом писателя, на наш взгляд, явились главной причиной оригинальности его мировосприятия, приверженности к простым и вечным человеческим истинам, выработали независимость мнения, что всегда мешало ему в повседневной жизни, но помогало в творческой.

Кузьма Григорьевич – легко читаемый писатель, но трудно распознаваемый человек. Его простота в одежде и образе жизни, разговорах и будничных суждениях не раз приводила в недоумение тех, кто раньше познакомился с его книгами, чем с ним самим. За его внешней мягкостью скрывалась стойкость бойца, прошедшего школу жизни в жестокие времена. Он видел людей в разных ситуациях, он знал про них многое. Оттого, видимо, так неторопливо и сдержанно повествование в его книгах, осторожна хвала и неспешно обвинение.

Творчество К. Г. Абрамова разбирается в сотнях статей, десятках диссертаций³². Личность писателя при-

влекала и художников. В Мордовии его портреты написали А. А. Родионов и Е. М. Ноздрин, в Москве – Н. С. Богданов. Впрочем, по мнению специалистов, «богдановское полотно выходит за рамки портретного жанра и приобретает качество сюжетной картины»³³. На Саранской студии телевидения о писателе создано несколько киноочерков. Самарская телестудия посвятила ему документальный фильм. Уже с 1960-х гг. почти во всех отечественных и некоторых зарубежных энциклопедиях стали появляться персональные статьи о нем.

Талант оценивается по лучшему из созданного им. Романы народного писателя, почетного гражданина Республики Мордовия К. Г. Абрамова стали классикой мордовской литературы, вывели ее на всероссийский уровень, доставили ей серьезного многомиллионного читателя. Написанные живым народным языком первая трилогия, первые историко-биографические и исторические романы явились важнейшими этапами становления мордовской литературы. Первый «многоплановый эпопеический роман» о поволжской деревне 1920–1950-х гг., одна из первых удачных попыток преодолеть узкосоциальные рамки «городских» и «деревенских» произведений обеспечили заметный вклад писателя и в общероссийский литературный процесс. Современники высоко оценили творчество

К. Г. Абрамова. Он удостоен статей во многих энциклопедиях, его романы отмечены в числе лучших произведений³⁴. Но самую высокую оценку дал ему читатель, не позволяя книгам писателя залеживаться на полках магазинов и библиотек.

С конца XX в. роль литературы в общественном сознании нашей страны претерпела существенные изменения. В условиях «гласности» повысилось информационное и общественно-политическое значение прессы, телевидения. Расширилась сфера практической деятельности людей, возросла роль материальных и соответственно уменьшилась роль духовных факторов. Все это понизило общественный статус серьезной российской, в том числе мордовской, литературы. Но и в наше время, когда рушатся многие прежние идеалы, а новые еще не поднялись из хаоса политических и духовных катаклизмов, когда, кажется, не до чтения серьезной литературы, книги К. Г. Абрамова по-прежнему находят и доброжелателя, и недоброжелателя, а значит, по-прежнему «затрагивают нравственные струны». Как сказано в статье Т. Г. Кириченко, «они выдержали проверку временем, а это самый главный и самый строгий судья. Его книги читают и перечитывают... Потому что это не однодневки, а верные надежные спутники, помогающие людям жить»³⁵. Добавим: жить и радоваться жизни.

Кузьма Григорьевич и президент Ассоциации финно-угорских писателей Арво Валтон Валликиви с группой участников VI конгресса финно-угорских писателей. Саранск, август 2000 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Корсаков И. М. Абрамовонь «Найман» романдонть // Сурань толт. – 1958. – № 4. – С. 101–104. – Рец.

² Объединен В. Д. Виде ки лангсо // Сурань толт. – 1962. – № 1. – С. 75–83. – Рец.

³ Далада Н. Лес шумит // Литература и жизнь. – 1962. – 4 февр. – Рец.

⁴ Кирюшкин Б. Е. Первый многоплановый роман // Тр. / НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. – Саранск, 1964. – Вып. 26 (Сер. филол.). – С. 32–68. – Рец.

⁵ См.: Горбунов В. В. Эрзянь прозань васенце трилогия // Эрзянь правда. – 1965. – 15 авг.; Гераськина Т. Ломанте теевсть малацекс // Сурань толт. – 1963. – № 2. – С. 84–86. – Рец.; Объединен В. Новая творческая удача мордовского писателя // Сов. Мордовия. – 1961. – 2 дек. – Рец.; Горбунов В. В. Качамонь пачк // Mokшень правда. – 1965. – 6 июня; Видманов Н. Качамонь пачк (Нурька рецензия) // Сятко. – 1965. – № 2. – С. 83–84. – Рец.; Забавина В. М. О романах Кузьмы Абрамова // Лит. Мордовия. – 1965. – № 2. – С. 112–120.

⁶ Недосекин Н. Летопись судьбы народной // В мире книг. – 1966. – № 11. – С. 26–27. – Рец.

⁷ Далада Н. Трилогия о мордовской деревне // Лит. газ. – 1967. – 5 апр. (№ 14). – С. 5. – Рец.

⁸ Трошин А. А лес шуметь не перестанет // Лит. Россия. – 1967. – 15 дек. (№ 51). – С. 14–15. – Рец.

⁹ Левшин И. Трудная ноша // Лит. Россия. – 1984. – 3 февр. (№ 6). – С. 11.

¹⁰ Казак В. Затрагивая нравственные струны // Лит. газ. – 1967. – 15 марта (№ 11). – С. 3.

¹¹ Соболев Л. Советская литература и воспитание нового человека : докл. на II съезде писателей РСФСР // Лит. газ. – 1965. – 4 марта (№ 16). – С. 2.

¹² Власенко А. А. Расцвет. – М., 1973. – С. 177, 171.

¹³ Там же. С. 176.

¹⁴ ЦГА РМ (Центр. гос. арх. Респ. публики Мордовия). Ф. 269П (Областной комитет ВКП(б) – КПСС). Оп. 3. Д. 185. Л. 5.

¹⁵ Брыжинский А. В., Бояркин, Н. В. В плену будней // Сов. Мордовия. – 1981. – 10 янв. – Рец.

¹⁶ Кузьмичев И. Путь к роману // Октябрь. – 1973. – № 5. – С. 166.

¹⁷ См.: Макушкин В. Встреча с Эрзей // Сов. Мордовия. – 1974. – 9 июня; Кирюшкин Б. Не только биографический // Сов. Мордовия. – 1976. – 31 марта; Макушкин В. На большаке // Край мордовский : лит.-худож. сб. – Саранск, 1976. – Вып. 1. – С. 217–218; Борисов А. Живой Эрзя: Кузьма Абрамовонь «Эрзянь цера» романдонть // Сятко. – 1972. – № 2. – С. 72–76; Самошкин А. «Понгосо мода»: од книгадо вал // Эрзянь правда. – 1973. – 17 нояб.; Самошкин А. Книга скульпторошь од шкадонзо // Сятко. – 1974. – № 4. – С. 65–68; Бальцанова В. Книга ине художнике // Сятко. – 1974. – № 6. – С. 69–72 и др.

¹⁸ Левшин И. Указ. соч. – С. 11.

¹⁹ Власенко А. А. Расцвет. – 2-е изд., доп. и перераб. – М., 1984. – С. 51–52, 57. – Рец.

²⁰ Казанцев Н. Письмо издалека // Наша страна (Буэнос-Айрес). – 2004. – 13 марта. – С. 3.

²¹ Ефимов И. А. Предводителя звали Пургаз // Сов. Мордовия. – 1988. – 8 сент.; Уважение к минувшему // Сов. Мордовия. – 1990. – 4 апр.

²² Кемайкина Р. С. Девушка из села // Сов. Мордовия. – 1987. – 15 июня. – Рец.

²³ Степанова Л. На радость и на горе // Лит. Россия. – 1987. – 31 июля (№ 41). – С. 17. – Рец.

²⁴ <http://www.ling.helsinki.fi/Lihlcs/>

readme-all/README-Erzya.html The sub-directory /novels/ includes the following files: Kuzjma Abramov.

²⁵ Абрамов К. Г. Собр. соч. : в 7 т. – Саранск, 1998–1999.

²⁶ Рудинский В. А. Библиография // Наша страна (Буэнос-Айрес). – 2004. – 24 янв. – С. 2. – Рец.

²⁷ Епишин В. Лес шуметь не перестал // Театральная жизнь. – 1983. – № 15. – С. 5. – Рец.

²⁸ Брыжинский В. С. Наконец-то // Сов. Мордовия. – 1989. – 16 апр. – Рец.

²⁹ Черепкин Н. И. Литература // Мордва: ист.-этногр. очерк / МНИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. – Саранск, 1981. – С. 302.

³⁰ Петайкин М. Слово о словах // Мордовия. – 1991. – 29 марта (№ 4). – С. 12.

³¹ Работы – непочатый край // Лит. Россия. – 1984. – 16 нояб. (№ 46). – С. 9; К. Г. Абрамову 70 лет // Лит. газ. – 1985. – 27 февр. (№ 9). – С. 7; и др.

³² См.: Нурдыгина В. С. Творчество К. Г. Абрамова: автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1973; Шаронова Е. А. Проблема русско-мордовских взаимосвязей в исторической прозе К. Г. Абрамова: автореф. дис. канд. филол. наук. – Саранск, 1996; Rueter J. The genitive in Erzyan (mordvinian) and the way it is used in the novel «Исяк якинъ Найманов» by Kuzma Abramov. – Helsinki, 1996; и др.

³³ Захорошко Н. На полотнах писатели // Дружба народов. – 1981. – № 6. – С. 191.

³⁴ См.: История советской многонациональной литературы. – М., 1974. – Т. 5. – С. 664, 667–668; Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – М., 1977. – Т. 24, кн. 2. – С. 437;

³⁵ Кириченко Т. Г. Все тревоги мира // Судьба моя – Мордовия. – Саранск, 1984. – С. 130–138.

